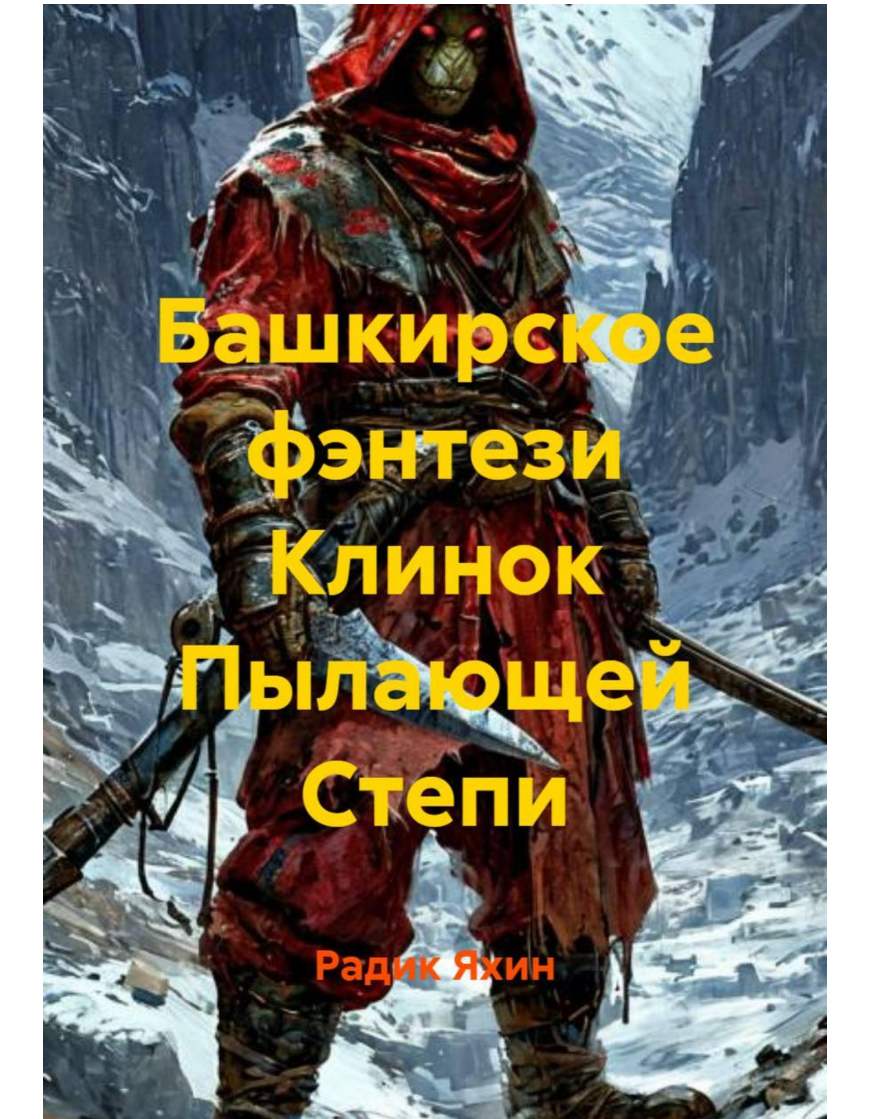




Башкирское фэнтези Клинок Пылающей Степи

Радик Яхин

Радик Яхин

Башкирское фэнтези.

Клинок Пылающей Степи

<https://litres.ru/73539957>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тимур Янбаев был простым шахтером на ледяной луне Япет, пока корпорация Геенна не вырезала его поселок. Очнувшись в рабской яме на арене планеты Саргасс-5, он обнаруживает в руках странный артефакт бабушкин наговорный камень, который превращает его гнев в раскаленную добела сталь. Теперь, чтобы выжить, Тимур должен стать гладиатором и пройти кровавый путь к трону криминального синдиката ящеролюдов Зиггинов.

Радик Яхин

Башкирское фэнтези

Клинок Пылающей Степи

Часть первая: Пепел

Глава 1. Холод, который не отпускает

Ледяная крошка скребла по стеклу уже третьи сутки. Тимур Янбаев сидел на табурете возле печи-буржуйки, глядя, как сквозь щели в раме наметает маленькие сугробы. За тонкими стенами барака выл ветер, разнося над шахтерским поселком поземку с поверхности Япета. Здесь, на этой ледяной луне Сатурна, вечность длилась полярная ночь, и единственным светом в ней были тусклые фонари да огоньки в окнах таких же, как этот, насквозь промерзших жилищ.

— Бабушка, ну сколько можно сидеть у окна? Простынешь ведь, — раздался голос из соседней комнаты, отделенной тонкой фанерной перегородкой.

Тимур покосился на проем. Там, укрывшись тремя одеялами, лежала его старуха. Бабушка Зухра. Ей было под девяносто, и она отказывалась умирать с упрямством промерзшей скалы.

— Не учи ученую, — прошамкала она. — Я тут, может, последние дни греюсь. Дай поглядеть на белый свет, пока он

черным не стал.

Тимур усмехнулся. Белый свет. Здесь, на Япете, белого не было ничего — только чернота космоса над головой да серо-бурый лед под ногами.

В руках он вертел маленький камешек на потертом кожаном шнурке. Бабушкин наговорный камень. Простой булыжник с речки где-то на Земле, с того берега, который его предки покинули три поколения назад. Она заставляла носить его всегда, с самого детства. «Сила рода в нем, Тимур. От зла бережет, гнев твой в кулаке держит».

Гнев. Тимур вздохнул, глядя, как пар вырывается изо рта. Гнева у него было много. На корпорацию «Геенна», которой принадлежала шахта. На начальника смены Зимина, который воровал у шахтеров пайки. На этот проклятый холод, от которого зубы сводило даже во сне.

В дверь постучали. Коротко, три раза. Условный стук.

Тимур напрягся. Он встал, бесшумно подошел к двери, снял с засова толстую железную пластину.

На пороге стоял сосед, дядька Равиль. Его лицо, обветренное и черное от угольной пыли, было бледным даже в полумраке.

— Тимур, беда, — выдохнул он, заходя внутрь и захлопывая за собой дверь. — «Геенна» прислала людей. Целый транспорт сел на плато. Они идут к поселку.

— Ну и пусть идут, — нахмурился Тимур. — Зарплату небось везут, или проверку очередную.

— Какую зарплату? — Равиль схватил его за руку. Рука у соседа дрожала. — Они в броне, Тимур. С игольниками. Метут всех подряд. Поселок Старый уже... Там тишина.

Тимур почувствовал, как в груди что-то оборвалось. Поселок Старый находился в пяти километрах отсюда. Там жили его товарищи по смене.

— Зимин? — спросил он, уже зная ответ.

— Зимин с ними. Дорогу показывает, сука, — прошипел Равиль.

Из-за перегородки послышался шорох. Бабушка Зухра села на кровати, накинув на плечи старый тулуп.

— Тимур, — позвала она. Голос ее, всегда ворчливый, сейчас звучал неожиданно твердо. — Подойди.

Он подошел. Старуха взяла его за руку, разжала пальцы и вложила в них камень на шнурке.

— Не снимай. Никогда. Понял?

— Ба, да что ты...

— Молчи! — прикрикнула она, и впервые за долгие годы Тимур увидел в ее выцветших глазах тот самый стальной блеск, о котором рассказывал отец. — Время пришло. Кровь наша, степная, в тебе заговорит. Ты думал, я просто так сказки рассказывала? Про предков наших, про батыров, что врагов одной левой рукой разили? Не дай им погаснуть, Тимур. Зажги их. Гневом зажги.

За окном раздался хлопок, а затем характерный визг игольника. Равиль вздрогнул и присел на корточки.

— Они уже здесь! — зашептал он. — Надо бежать, через штольню! Там ход в старые выработки...

Тимур посмотрел на бабушку. Она отпустила его руку и легла обратно, накрывшись одеялом с головой.

— Иди, — глухо донеслось из-под тулупа. — Я свое отжила. А ты живи. Живи и помни: степь внутри тебя. Вечная. Пылающая.

— Бабушка, я без тебя не пойду! — рывкнул Тимур, пытаюсь стащить с нее одеяло, но старуха вцепилась в него мертвой хваткой.

— Иди, сказала! Не позорь род! Ты мне внук или тряпка базарная? — из-под одеяла высунулась сухая, морщинистая рука и ткнула в сторону двери. — Вон! Камень береги.

Равиль уже открыл дверь черного хода, что вел прямо в сугроб и к старой штольне за поселком.

— Тимур, твою мать, идем!

Тимур шагнул к бабушке, хотел еще что-то сказать, но в этот момент входная дверь слетела с петель от удара ногой в тяжелом ботинке. В проеме стояли двое. Броня белая, камуфляжная, лица скрыты матовыми забралами шлемов. В руках игольники — короткие стволы, стреляющие тысячами игл в секунду.

— Стоять, — раздался усиленный динамиком голос. — Не двигаться.

Тимур замер. Равиль выскочил в дверь черного хода, но снаружи тоже раздались выстрелы, короткая очередь, и все

стихло.

Из-за спин бронепехоты вышел человек в обычном арктическом комбинезоне, но без шлема. Тимур узнал его сразу: начальник смены Зимин, лысый, с мясистым носом и вечно потным лицом. Сейчас он улыбался.

— Янбаев? А, ну да, ты же тут. — Зимин поцокал языком. — Хороший работник. Рукастый. Жалко терять кадры, но приказ сверху.

— Что ты делаешь, Зимин? — тихо спросил Тимур. — Здесь люди. Дети. Старики.

— А никто и не трогает детей и стариков, — Зимин развел руками. — Мы забираем только трудоспособных. А остальные... — он пожал плечами. — Корпорация решила оптимизировать расходы. Поселок нерентабелен. Проще всех спилать, чем платить пенсии и содержать инфраструктуру. Ты пойдешь с нами, Янбаев. Работать будешь. Там, где всегда тепло. Говорят, на Саргассе-5 отличный климат.

Он засмеялся своей шутке.

Тимур сжал кулаки. Камень в руке вдруг стал горячим, обжигая ладонь. Он почувствовал, как внутри поднимается волна ярости, такой силы, что перед глазами поплыли красные круги.

— Бабушка... — прошептал он.

Один из солдат, бросив взгляд за спину Тимура, вскинул игольник и без команды нажал на спуск. Очередь прошила тонкую фанерную перегородку, за которой лежала Зухра.

Звук был короткий, сухой. Тимур обернулся и увидел, как в стене появились десятки мелких отверстий, а из-за перегородки, из-под одеяла, на пол потекла темная струйка.

Время для него остановилось.

Гнев, который бабушка всю жизнь учила его сдерживать, прорвал плотину. Он не думал. Он просто шагнул вперед, прямо на игольник солдата.

Солдат нажал на спуск. Тысячи игл вылетели из ствола, но Тимур выставил перед собой руку с зажатым в ней камнем. Вспышка. Яркая, белая, обжигающая. Камень в его руке вспыхнул, и иглы, ударив в этот свет, просто испарились, не долетев до кожи.

В следующую секунду камень потеплел, потяжелел и вытянулся. Тимур смотрел на свою руку, не веря глазам: наговорный камень исчез, а вместо него из кулака, обжигая пальцы, но не причиняя боли, рос клинок. Длинный, прямой, раскаленный добела меч. От него шел жар, такой силы, что лед на полу вокруг Тимура мгновенно превратился в пар.

Солдаты замерли. Зимин попятился, открыв рот.

— Это что за херня? — прохрипел один из бойцов.

Тимур не ответил. Он взмахнул рукой. Клинок описал дугу, и голова первого солдата, того, что стрелял в бабушку, слетела с плеч, даже не встретив сопротивления. Срез брони и плоти был идеально ровным, мгновенно прижженным чудовищной температурой. Второй солдат успел вскинуть оружие, но Тимур уже был рядом. Он не фехтовал, он просто

рубил. Гнев вел его руку, делая удары быстрыми, как укусы змеи.

Через три секунды в коридоре лежали два обезглавленных тела, а Зимин, споткнувшись, упал на спину и полз назад, загребая снег руками.

— Не надо, Тимур! — заорал он. — Я не хотел! Меня заставили! Это корпорация, они...

Тимур стоял над ним, сжимая в руке пылающий меч. Свет от клинка падал на лицо Зимина, и тот видел в глазах шахтера не просто гнев. Он видел саму смерть, холодную, несмотря на жар от стали.

— Моя бабушка, — тихо сказал Тимур. — Она говорила, что степь внутри меня.

Он опустил клинок.

Тело Зимина дернулось и замерло.

Тимур постоял секунду, глядя на дело рук своих, а затем разжал пальцы. Клинок не упал. Он втянулся обратно в ладонь, снова став маленьким, теплым камешком на кожаном шнурке.

За стеной выли игольники, кричали люди, трещали стены бараков, разносимые взрывчаткой. Тимур подошел к проему в комнату бабушки. Зухра лежала неподвижно под продырявленным одеялом. Он не стал подходить ближе. Он знал, что там увидит.

Он просто развернулся и пошел к черному ходу, туда, где минуту назад убили Равиля.

Внутри него больше не было гнева. Была только пустота, холодная, как поверхность этой луны. И в этой пустоте, глубоко в груди, пульсировало тепло от маленького камня.

Глава 2. Саргасс-5

Он очнулся от вони. Такой густой, что слезились глаза, а желудок, пустой уже давно, сжался в тугой комок. Воняло потом, кровью, гнилой органикой и еще чем-то кислым, похожим на застоявшуюся мочу.

Тимур попытался пошевелиться и понял, что лежит на чем-то твердом и холодном. Ребристый металл. Глаза открылись с трудом, веки слиплись от запекшейся крови. Вокруг был полумрак, разбавляемый тусклым оранжевым светом, идущим сверху откуда-то из-за решетки.

Он приподнялся на локтях. Голова гудела, словно по ней поработали кувалдой. Воспоминания возвращались обрывками: белый свет клинка, крики, погрузка в транспорт, укол в шею... А потом темнота.

— Очухался, степняк? — раздался хриплый голос справа.

Тимур повернул голову. Рядом с ним, прислонившись спиной к такой же металлической стене, сидел здоровенный мужик с разбитым в кровь лицом и выбритым наголо черепом. На голове у него темнела татуировка — какой-то хищный зверь с оскаленной пастью.

— Где я? — спросил Тимур. Голос прозвучал сипло, слов-

но чужой.

— В раю, — усмехнулся мужик и сплюнул на пол сгусток крови. — В самом лучшем раю для таких уродов, как мы с тобой. Яма предварительного содержания. Саргасс-5, планета вечных развлечений. Слышал?

Тимур молчал. Он никогда не слышал о Саргассе-5. Он вообще мало что слышал за пределами шахты и поселка. Корпорация не баловала своих рабов информацией.

— То-то и видно, что темный, — мужик крикнул, меняя позу. — Слушай сюда, пока добрый. Эта планета — одна большая арена. Хозяева тут — Зиггины. Ящеры здоровенные, с башкой, полной зубов, и с понятиями, как у бродячих псов. Они любят смотреть, как люди друг друга убивают. А мы тут — мясо. Те, кого корпорации списали или продали. «Геенна», «Астрал-Майнинг», «Космотрон» — все сюда тащат ненужный балласт.

Тимур сел, опершись спиной о стену. Он ощупал себя. Одежда превратилась в лохмотья, на боку запеклась кровь — глубокая царапина, видимо, от погрузки. Руки дрожали. Он судорожно сжал пальцы левой руки и почувствовал знакомое тепло. Камень! Он на месте! Тимур с облегчением выдохнул.

— Дорожишь чем-то? — кивнул на его руку лысый. — Зря. Здесь все отберут. Если выживешь в первой схватке, пойдешь в казармы к гладиаторам. А там... Там уже не до побрякушек. Там главное — не сдохнуть в первый же день.

Тимур разжал пальцы, посмотрел на темный, ничем не примечательный камешек. Бабушкин наговор.

Вокруг, в этой огромной металлической яме, копошились люди. Кто-то сидел, уткнувшись лицом в колени, кто-то метался по кругу, ударяясь о стены, кто-то лежал без движения. Мертвых здесь не убирали — они так и лежали, воняя все сильнее.

— Как тебя звать-то? — спросил лысый.

— Тимур.

— А я Руслан. — Мужик протянул руку, Тимур пожал. Ладонь у Руслана была мозолистая, жесткая, как наждак. — Бывший механик с грузового лайнера. Капитана нашего по пьяни зарезал. Не помню даже, как вышло. А тебя за что?

— Ни за что, — Тимур посмотрел в потолок. — Просто попался под руку.

Руслан хмыкнул, но ничего не сказал.

Сверху, за решеткой, раздался шум. Послышались тяжелые шаги, низкое горловое рычание, переходящее в речь на каком-то скрежещущем языке. Тимур вскинул голову. В проходе над ямой появились фигуры. Огромные, под три метра ростом, покрытые чешуей, с длинными тяжелыми хвостами, которые волочились по полу. Зиггины. Один из них, видимо, старший, был в богато расшитом металлическими пластинами плаще. Морда его была украшена шрамами, а в пасти поблескивали золотые клыки.

Ящер наклонился над ямой, и его желтые глаза с верти-

кальными зрачками скользнули по толпе людей. Он что-то прорычал, и двое других Зиггинов, поменьше, но все равно чудовищных, откинули крышку люка и спустили в яму металлическую лестницу.

— Время жеребьевки, — мрачно прокомментировал Руслан. — Сейчас будут отбирать мясо на сегодняшние игры.

Зиггины спустились вниз. В руках у одного был ящик, полный маленьких камешков. Старший ящер щелкнул когтями, и его помощник начал обходить людей, тыча каждому в лицо ящик. Люди, дрожа, запускали руку и доставали камень.

— Черный камень — в казарму, доучиваться, — шепнул Руслан. — Белый — на арену сегодня. Прямо сейчас.

Тимур смотрел на это, сжимая в кулаке свой наговорный камень. Очередь дошла до них. Помощник Зиггина, молодой ящер с незрячим мутным глазом, ткнул ящиком в лицо Руслану. Руслан выдохнул, запустил руку и вытащил черный камень. Он облегченно выдохнул и отошел в сторону.

Очередь Тимура. Ящер уставился на него мутным глазом. Тимур медленно опустил руку в ящик, перебирая холодные гладкие камешки. Наугад вытащил один и разжал пальцы.

Белый.

В яме повисла тишина. Даже Зиггины замерли. Старший ящер, тот, что с золотыми клыками, шагнул вперед, вырвал у Тимура камень, повертел его перед глазами и хрипло рассмеялся. Смех его был похож на скрежет металла о камень.

— Человек, — прорычал он на ломаном галактическом языке, который Тимур с трудом понимал. — Тощий, слабый. Белый камень. Ты умрешь сегодня, человек. Твое мясо сожрут псы. Хорошее начало вечера.

Он швырнул камень обратно в ящик и развернулся, чтобы уйти. Помощник схватил Тимура за шиворот и поволок к лестнице.

— Эй, степняк! — крикнул вслед Руслан. — Держись! Если побежишь — умрешь быстрее. Встречай! Встречай их ударом, понял? Не дай загнать себя в угол!

Тимур не успел ответить. Его вышвырнули из ямы в коридор, где уже стояли еще несколько таких же бедолаг, вытащивших белые камни. Все они были разные: тощие, толстые, молодые, старые. Но в глазах у всех читалось одно — животный ужас.

Зиггины погнали их по коридору. Стены здесь были не металлическими, а каменными, грубо обтесанными. С потолка капала вода, смешанная с чем-то склизким. Где-то вдалеке ревела толпа. Тысячи глоток орали, улюлюкали, свистели. Шум нарастал с каждым шагом.

Коридор закончился тяжелой решеткой. За ней был слепящий свет и песок.

Ящер-надсмотрщик ткнул Тимура в спину дубинкой, разворачивая к себе лицом. Он что-то прорычал, но Тимур не слушал. Он смотрел на решетку, за которой его ждала смерть.

Надсмотрщик ушел. Остальные смертники жались друг к другу, кто-то молился, кто-то плакал. Тимур стоял молча. Он разжал кулак и посмотрел на камень. Тот был холодным, безжизненным.

— Бабушка, — прошептал он. — Ты говорила, гнев зажигает. А если гнева нет? Если только страх?

Камень не ответил.

Решетка с лязгом поползла вверх.

Свет ударил в лицо, и Тимур шагнул вперед, на песок, под рев сотен, а может, и тысяч глоток, жаждущих его крови.

Глава 3. Первая кровь

Песок под ногами был горячим, почти обжигающим. Тимур ступил на арену и зажмурился от яркого света прожекторов, висящих высоко под куполом. Когда глаза привыкли, он увидел это место.

Арена представляла собой огромную чашу, вырубленную в скале. Вокруг, ярусами поднимались трибуны, битком набитые зрителями. Люди, Зиггины, какие-то другие существа, которых Тимур никогда не видел — все они орали, размахивали конечностями, требовали зрелища. Воздух был спертым, тяжелым, пропитанным запахом пота, возбуждения и крови.

Рядом с Тимуром, спотыкаясь, выходили остальные смертники. Их было семеро. Двое мужчин средних лет, один

парень, почти мальчишка, который трясся так, что, казалось, вот-вот рассыплется, старая женщина с безумными глазами и двое здоровяков, видимо, бывших охранников или солдат — они единственные сохраняли остатки спокойствия.

На противоположной стороне арены лязгнула еще одна решетка. Оттуда, из темноты, донеслось рычание.

Толпа взорвалась новым воплем.

— Гончие! Гончие! — скандировали трибуны.

Из темного проема показались они. Три твари, размером с небольшого медведя. Тела их были покрыты грубой, местами облезлой шерстью, из пастей торчали клыки в два ряда, а глаза горели красным в свете прожекторов. Гончие Саргас-са. Их вывели специально для арены, скрестив земных псов с местными хищниками. Твари не знали страха, не чувствовали боли и убивали с единственной целью — жрать.

— Спокойно, — процедил сквозь зубы один из здоровяков, тот, что был повыше. — Встаем в круг. Спина к спине. Не дадим им растащить нас поодиночке.

Трое смертников, включая трясущегося парня, не слушали. Они бросились бежать. В разные стороны, подальше от чудовищ, подальше от смерти. Глупость, продиктованная ужасом.

Гончие рванули следом. Они не бежали, они летели над песком, сокращая расстояние за секунды.

Первый беглец, самый быстрый, добежал до стены и начал карабкаться, в кровь раздирая пальцы о камень. Гончая

прыгнула, сбила его одним ударом туши, и вцепилась в горло. Крик оборвался почти мгновенно.

Второго, парня, настигли две твари сразу. Они рвали его на части, не обращая внимания на визг, и толпа выла от восторга.

Старуха с безумными глазами вдруг запела. Тонким, дребезжащим голосом она затянула какую-то колыбельную, глядя прямо на приближающуюся гончую. Та на секунду замешкалась, склонив голову набок, а потом одним ударом лапы снесла женщину с ног. Песок вокруг нее потемнел.

Осталось четверо. Трое мужчин и Тимур.

Здоровяки стояли плечом к плечу, выставив перед собой пустые руки. У них не было оружия. У Тимура не было ничего, кроме камня в кулаке.

Третья гончая, та, что осталась без добычи, повернула морду к ним. Из пасти капала слюна, смешанная с кровью. Она припала к земле, готовясь к прыжку.

— Сейчас! — крикнул здоровяк. — В стороны!

Они прыгнули в разные стороны. Гончая метнулась к тому, кто был ближе, второму здоровяку. Тот успел перехватить тварь за глотку, и они покатались по песку, поднимая тучи пыли. Человек рычал, пытаясь удержать челюсти подальше от своего лица, но силы были неравны. Гончая мотала головой, вырываясь, и когтями задних лап вспарывала ему живот.

Первый здоровяк, тот, что командовал, бросился на по-

мощь товарищу. Он прыгнул на спину гончей, пытаясь сломать ей хребет, но тварь оказалась слишком сильной. Она перекатилась, придавив человека своей тушей, и клянула зубами у самого его лица.

Тимур смотрел на это, и внутри него ничего не было. Ни страха, ни гнева. Только странное, холодное спокойствие. Он шагнул к дерущимся.

Гончая, та, что терзала второго здоровяка, наконец добилась своего — человек захрипел и затих. Тварь подняла окровавленную морду и увидела Тимура, идущего прямо на нее.

Она прыгнула.

В этот момент Тимур сжал камень так сильно, как только мог. Он не думал о гневе. Он думал о бабушке. О ее руке, сухой и теплой. О ее словах: «Степь внутри тебя. Пылающая».

Камень обжег ладонь. Яркая вспышка, и в руке снова был клинок. Белый, раскаленный, дышащий жаром.

Тимур не делал выпада. Он просто выставил руку перед собой.

Гончая, летящая в прыжке, налетела на клинок грудью. Сталь вошла в плоть, как нож в масло. Чудовищный жар мгновенно прижег рану, даже крови почти не было. Тварь дернулась, заскулила, попыталась вырваться, но Тимур, не отпуская рукояти, провернул клинок внутри туши. Гончая обмякла и рухнула на песок, нанизанная на пылающий меч.

Толпа замерла.

Тишина на трибунах была такой плотной, что Тимур слышал, как потрескивает, остывая, шерсть мертвой твари.

Второй здоровяк, тот, что был придавлен, отбросил от себя тушу гончей и, шатаясь, поднялся на ноги. Он смотрел на Тимура и на пылающий клинок в его руке с таким выражением, словно увидел призрака.

Оставшиеся две гончие, те, что разделались с другими беглецами, бросили свои окровавленные куски и повернулись к центру арены. Они почуяли смерть сородича. Они почуяли жар.

Тимур шагнул к ним. Огонь внутри него наконец разгорелся. Гнев, который он так долго сдерживал, вырвался наружу, смешиваясь с болью утраты, с яростью от всего, что с ним сделали. Клинок засиял ярче, ослепительно белым светом.

Первая гончая бросилась. Тимур ушел в сторону, пропуская тушу мимо, и рубанул клинком наискось, от плеча до бедра. Тварь развалилась на две половинки, даже не взвизгнув. Песок вокруг мгновенно оплавился в стекло.

Вторая замешкалась. Тимур не дал ей времени на раздумья. Он прыгнул сам, оказавшись рядом с мордой чудовища, и вонзил клинок прямо в раскрытую пасть, пробивая череп насквозь.

Трибуны взорвались. Это был уже не просто рев — это был шквал звука, смесь восторга, ужаса и животной радости. Зиггины вскакивали с мест, размахивая хвостами. Люди

орали, выли, кидали на арену свои головные уборы и пустые фляги.

Тимур стоял среди трех туш, тяжело дыша. Клинок в его руке пульсировал в такт сердцебиению. Он посмотрел на трибуны, на эти обезумевшие морды, и почувствовал только одно — желание уничтожить их всех.

Здоровяк, единственный выживший из семерых, подошел к Тимуру. Он был весь в чужой крови, но держался ровно.

— Как тебя звать, парень? — спросил он хрипло.

Тимур перевел на него взгляд. Глаза у него были темные, глубокие, бездонные.

— Тимур.

— А я Гром, — здоровяк сплюнул кровь. — Бывший сержант космодесанта. Спасибо. Ты спас мне жизнь. Хотя, — он горько усмехнулся, — может, это не подарок, а проклятие. Теперь они тебя не выпустят. Такой зверь на арене — золотая жила для Зиггинов.

— Я не зверь, — тихо ответил Тимур.

— Здесь все звери, — Гром покачал головой. — Просто одни об этом знают, а другие — нет.

Сверху, с трибуны для почетных гостей, донесся тяжелый, размеренный хлопок — аплодисменты. Огромный Зиггин в золотых доспехах, тот самый, с золотыми клыками, стоял у барьера и смотрел прямо на Тимура. В его желтых глазах горел не гнев, а жадный, хищный интерес собственника, нашедшего редкую драгоценность.

Решетки на противоположных концах арены с лязгом опустились. На песок выбежали Зиггины-служители с длинными шестами, увенчанными электрическими разрядниками. Они отогнали Тимура и Грома от туш, тыкая в них палками, но осторожно, держась на расстоянии. Боялись.

Тимур разжал пальцы. Клинок втянулся обратно в камень, и тот снова стал холодным, безжизненным. Гром видел это, но промолчал. Только глаза его сузились еще больше.

Их погнали с арены другим ходом. Не в ту яму, откуда привели смертников, а в более чистый, широкий коридор. Стены здесь были отделаны камнем, горели факелы, и пахло не гнилью, а дымом и жареным мясом.

— В казармы гладиаторов, — прокомментировал Гром.
— Поздравляю. Ты прошел отбор.

Глава 4. Казармы

Казармы оказались огромным подземным залом, разделенным на сектора тяжелыми решетками. В каждом секторе — десятки нар, застеленных грязными тюфяками, столы, скамьи, и люди. Много людей. Мужчины, женщины, даже подростки. Все в потертой одежде, многие со следами старых ран, шрамов, увечий. У всех были коротко острижены волосы, а на шеях — металлические ошейники с тускло мигающими огоньками.

Тимура и Грома втокнули в один из секторов, и решетка

за ними лязгнула, закрываясь.

Десятки глаз уставились на новичков. Взгляды были разные: равнодушные, враждебные, любопытные. Один из гладиаторов, старик с седой бородой и пустой правой глазницей, приподнялся на нарах и сплюнул сквозь щербатые зубы.

— Новички? С арены? — голос у него был скрипучий, как несмазанная петля. — И скольких положили?

— Он положил, — Гром кивнул на Тимура. — Трех гончих. В одиночку.

В зале повисла тишина. Потом кто-то негромко свистнул, кто-то хмыкнул. Старик сел на нарах, разглядывая Тимура с новым интересом.

— Трех гончих, значит. А оружие у тебя где? Конфисковали?

— У него оно с собой, — усмехнулся Гром, но как-то невесело.

Тимур молчал. Он чувствовал, как на него смотрят, и это было непривычно. В поселке он был одним из многих. В яме — одним из сотни. Здесь, в этом подземелье, он стал тем, на кого показывают пальцем.

— Сядьте, — старик махнул рукой на свободные нары рядом с ним. — Отдыхайте. Завтра у вас первый учебный бой. А сегодня — кормежка через час. Если успеете.

Тимур сел на край нар. Гром устроился напротив.

— Меня Григорием кличут, — представился старик. — Тридцать лет здесь. Бывал в разных переделках. Ты, парень,

если хочешь выжить, запомни главное: здесь нет друзей. Есть союзники на время боя. Есть те, кому ты должен, и те, кто должен тебе. Остальное — иллюзия.

— Я запомню, — кивнул Тимур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.